

**Отзыв
Официального оппонента на диссертацию
КИКНАДЗЕ Дианы**

«Удзи сюи моногатари» как источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185), представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»

Диссертация Кикнадзе Дианы посвящена исследованию ряда аспектов культуры Японии эпохи Хэйан (794–1185) по материалам письменного памятника средневековой японской прозы *сэцуга* «Удзи сюи моногатари». Данная работа продолжает исследовательские традиции таких отечественных ученых: Г.Г. Свиридова, В.Н. Горегляда, А.Н. Мещерякова, М.В. Грачева, а также О.О. Розенберга, А.Н. Игнатовича, Т.П. Григорьевой и др.; японских авторов - Масую Синъитиро, Симура Кунихиро, Сигэта Синъити, Кунисака Фумимаро, Хаяси Макото и др., англоязычных исследователей – Герберта Плютшоу, Вильяма Ла Флёра, Маттиаса Хайека, Кэролин Пан и др. В работах этих ученых были рассмотрены многие ключевые особенности памятников средневековой японской прозы *сэцуга*, однако именно исследование Кикнадзе Дианы раскрывает значимость сборника «Удзи сюи моногатари» не только как литературного памятника, но и как письменного источника, отражающего определенные феномены японской духовной культуры, специфичные для указанного периода.

В качестве цели исследования автор определяет: 1) рассмотрение «Удзи сюи моногатари» в качестве источника по изучению бытования простонародных религиозных идей, культов, обрядов, а также магических представлений в японском обществе эпохи Хэйан; 2) выявление основных особенностей японского народного буддизма, сложившихся под влиянием популярной эсхатологической идеи *маппо*, а также бытовавших в обществе магико-мантических ритуалов и практик *оммёдо*, игравших, как совершенно справедливо подчеркивает автор, огромную роль в жизни мирян.

Данные цели исследования достигаются автором посредством постановки целого кластера взаимосвязанных задач, что позволяет комплексно рассмотреть важнейшие особенности «Удзи сюи моногатари»; а именно:

- раскрыть специфику японского народного буддизма позднехэйанского периода;
- показать и объяснить значение магико-мантической практики *оммёдо*: влияние календарных предписаний, гаданий и магических ритуалов на повседневную жизнь аристократов;

- сопоставить ритуальную обрядовость эзотерического буддизма *микё* с магическими практиками *оммёдо*; объяснить активное вмешательство буддизма в *оммёдо* как намеренный политический курс против религиозного даосизма в Японии;
- представить в переводе на русский язык избранные истории «Удзи сюи моногатари», в которых фигурируют представляющие для нас интерес и являющиеся объектами нашего рассмотрения обряды, практики и бытование буддийских божеств в японском обществе исследуемого периода.

Структура соответствует целям и задачам работы и состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы и Приложения, где представлены выполненные автором диссертации переводы 22 сюжетов (включая Предисловие) из «Удзи сюи моногатари».

Во Введении, наряду с определением целей и задач исследования, его актуальности и новизны, рассматривается источниковая база идается историографический обзор.

В первой главе исследуется сам памятник «Удзи сюи моногатари», затрагивается вопрос о его особенностях и месте среди других произведений в жанре *сэцуга* (таких, как «Кохон сэцуга-сю», «Кондзяку-моногатари-сю», «Кодзидан», «Нихон рёики») и значимых письменных памятников исследуемого периода других жанров. Также рассматривается проблема авторства (в т.ч. – и вопрос о правомерности использования понятия «авторство»), датировки, исторические условий, особенности компоновки и стилистического своеобразия.

Автор анализирует жанровую принадлежность и специфику исследуемого сборника в сравнении с другими «аналогами» и ставит вопрос о сомнительности фактологической достоверности произведений *сэцуга* и возможности рассматривать их в качестве «исторического источника». рассматривается проблема принципов структурирования памятника на отдельные свитки, композиционные особенности рассказов,

Делается вполне обоснованный вывод, что целевой аудиторией сборники этого жанра выступали образованные буддийские монахи, а также придворная аристократия; произведения *сэцуга* не были предназначены для простонародья.

Вторая глава представляет собой отдельное исследование тех рассказов «Удзи сюи моногатари», что посвящены буддийской тематике и отражают важнейшие тенденции «народного» буддизма периода позднего Хэйан, включая распространение амидаизма, эсхатологической концепции *маппо*, представлений об адских и райских мирах; кризис «интеллектуального» буддизма и развитие его «простонародных» форм.

Автор подробно, на конкретных примерах из «Удзи сюи моногатари» и др. текстов рассматривает распространение наиболее популярных культов персонажей буддийского пантеона (бодхисаттв Каннон, Дзидзо, Манджуши; Фудо-мёо, будды Шакьямуни), культов буддийских сутр («Лотосовой сутры», «Сутры Золотого блеска», «Сутры основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи» и др.); культ буддийский статуй и т.д.

Большое внимание уделяется и исследованию на материалах «Удзи сюи моногатари» наиболее распространенных культовых практик и ритуалов (практика молитвы *нэмбуцу*, практика вырезания статуй бодхисаттв, практика копирования и рецитации сутр, практика ритуального самоубийства *фудораку-токай* и др.), а также деятельность отшельников *хидзири* и *сюгэндза*.

При этом автор делает вполне справедливый вывод о главной цели произведений жанра *сэцуга*, включая «Удзи сюи моногатари»: «<...> понятными необразованному человеку способами, не углубляясь в дебри вероучения и иные ненужные обычному мирянину тонкости буддийского мироустройства показать правильную модель поведения истинного буддиста: чего нужно придерживаться, а о чем вовсе не стоит помышлять» (С. 60.).

Третья глава посвящена исследованию 11 рассказов «Удзи сюи моногатари», отражающих популярную в хэйанской Японии магико-мантической практики *оммёдо* и деятельности магов *оммёдзи* и их роли в жизни японской придворной аристократии периода Хэйан. В этой связи автор выделяет следующие тематические акценты рассказов «Удзи сюи моногатари»: деяния великого *оммёдзи* Абэ Сэймэй и его отношения с аристократами и другими колдунами; календарные предписание *оммёдо*; использование магами духов-помощников *сикигами* и *сикидзин*; вера японцев в происки мстительных духов *онрё*. Автор также рассматривает конкуренцию *оммёдо* с буддизмом в мантико-магической и экзорцистской сфере и влияние *оммёдо* на соответствующие практики таких школы эзотерического / тантрического буддизма (*миккё*), как Сингон и Тэндай, а также на синкретическое учение *сюгэндо*.

В Заключении, подводя итоги всего исследования автор делает вполне логичный и последовательный вывод, что анализ представленных в «Удзи сюи моногатари» историй показывает срез духовной и культурной жизни позднехэйанского японского общества, в котором буддизм уже получил массовое распространение и утвердил свой непререкаемый авторитет в большинстве сфер религиозной и культовой практики. При этом, однако, «Удзи сюи моногатари» очевидно демонстрирует и все еще существенную роль магико-мантических ритуалов учения *оммёдо*, по-прежнему сохранявшего своё влияние на

мировоззрение японцев позднего Хэйан; с этими реалиями буддизм был вынужден сосуществовать и искать пути адаптации к учению *оммёдо* и его практикам.

Отмечая высокий научный уровень представленной диссертации, фундированность аргументации основных ее положений и выводов, бесспорную актуальность и новизну, выраженную, в т.ч., в использовании новых источников по духовной и культурной жизни японцев, включая те, что самостоятельно были переведены автором с японского языка на русский, необходимо отметить некоторые недочеты.

Так, на с. 12 автор называет «Удзи сюи моногатари» «<...> важным историческим источником по реконструкции религиозной атмосферы японского общества периода Хэйан». Считаю, что в данном случае термин «исторический источник» использован несколько некорректно, и следовало бы использовать термин «письменный источник», который автор совершенно обоснованно употребляет в других частях работы.

Следующим по значимости замечанием является использование на с. 138 совершенно неоправданное на наш взгляд применение «тойнбианского» термина «примитивное общество» по отношению к японскому обществу конца периода Хэйан (цит.: «В целом, материал «Удзи сюи моногатари» демонстрирует все еще стойкое магическое сознание, свойственное примитивным обществам...»). Здесь следовало бы логичнее использовать термин «традиционное общество».

В п. 1.2. первой главы, где идет речь о почитании Каннон в «Удзи сюи моногатари», вдруг возникает тема почитания Манджуши – Мондзю (с.55-56) – далее опять возвращается тема Каннон. Представляется, что логичнее было бы отдельно оговорить «возникновение» темы другого бодхисаттвы – или вынести тему культа Манджуши в отдельный параграф.

Дале, автор постоянно пытается склонять имя Абэ Сэймэй по правилам русского языка, в то время как академический стиль не приемлет склонения японских личных имен, географических названий и терминов.

Встречаются некоторые стилистические огрехи. Так, на с. 183 автор некорректно называет синтоистское святилище Тэндзи «синтоистским храмом». На С. 189 (Приложение, Св. 10, 9/122 «Про Оцуки Москэ») есть фраза: «Его сын был профессором математики в университете, звали его Москэ». Представляется, что применение терминов «профессор» и «университет» для реалий периода Хэйан несколько неадекватно. На С. 56 есть стилистически неудачная фраза: *«Выдержав все испытания и искушения, научившись чтению всей Лотосовой сутры, монах Хай-юнь отправил мальчика в крупный монастырь для официального посвящения в монахи»*. Не очень понятно, кто подвергался испытаниям - монах Хай-юань или его подопечный мальчик?

Есть несколько опечаток. Так, на с. 133 – в словосочетании «магико-мантические практики» пропущена буква «о» в слове «магико-»; на с. 15 Автореферата опечатка с порядковым номером параграфа: параграф 1.3. «Параллели с другими сборниками сэцува, - ошибочно назван «параграф 2.3».

Отмеченные недочеты, впрочем, не имеют принципиального характера и не умаляют высокий научный уровень представленной диссертации. Изложенный в ней материал имеет большую практическую ценность и может быть широко использован в различных сферах научной, образовательной и музейной деятельности (в более общих исследованиях; в университетских курсах лекций по истории японской культуры, религии и литературы; в музейных исследованиях по атрибуции сюжетов произведений традиционного японского искусства и т.д.).

В целом, работа Кикнадзе Дианы представляет собой самостоятельное исследование, отвечающее требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» и соответствует пункту 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г.

Автореферат и шестнадцать публикаций (три из которых в рекомендованных ВАК изданиях) соответствуют теме диссертации и отражают ее содержание.

Автор диссертации, Кикнадзе Диана, заслуживает присуждение ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Официальный оппонент
Синицын Александр Юрьевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отдела
этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии
ФБГУК Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 3
Тел.: (812) 328 0812, факс (812) 328 0811
E-mail: museum@kunstkamera.ru
Сайт: <http://www.kunstkamera.ru>

А.Ю. Синицын

30 мая 2016 г.

Подпись официального оппонента удостоверяю

Ученый секретарь МАЭ РАН, к.и.н.

Е.А. Михайлова

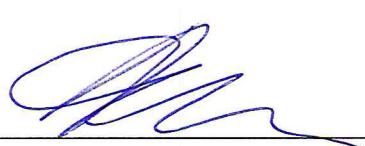

Сведения об официальном оппоненте

по диссертации КИКНАДЗЕ Дианы «Удзи сюи моногатари» как
источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185),
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы
исторического исследования»

Фамилия, имя, отчество оппонента	Синицын Александр Юрьевич
Год рождения, гражданство	1962 г.р., Российской Федерации
Ученая степень, ученое звание, шифр научной специальности	Кандидат исторических наук, специальность 07.00.07 - «Этнография, этнология и антропология»
Основное место работы	Старший научный сотрудник Отдела этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии ФБГУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Почтовый индекс, адрес организации	Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 3 Тел.: (812) 328 0812, факс (812) 328 0811
Веб-сайт организации	http://www.kunstkamera.ru
Телефон	+7 (812) 328 0812 (Дирекция музея)
Адрес электронной почты	asin@kunstkamera.ru
Список основных публикаций оппонента по теме диссертации	<p>1) Синицын А.Ю. Особенности культуры повседневности традиционной Японии.// История культуры повседневности. Учебное пособие. Под редакцией Большакова В.П., Иконниковой С.Н. М., 2015. СС. 130-152.</p> <p>2) Синицын А.Ю. Картины японского художника Кавахара Кэйга в различных коллекциях МАЭ РАН как иллюстративные источники по традиционной японской культуре первой трети XIX в. // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. Сборник МАЭ LIX. СПб, 2014. СС. 244-256.</p> <p>3) Синицын А.Ю. О картинах художников школы Кано в собрании МАЭ РАН и их атрибуции.</p>

	<p>Вестник СПбГУКИ № 3 (16), 2013. СС.113-118.</p> <p>4) Синицын А.Ю. Изображения деяний знаменитых воинов эпохи войны Гэмпэй на фарфоровых пластинах из коллекции № 2932 МАЭ РАН. Керамика и фарфор Дальнего Востока. Проблемы стиля и взаимовлияний / Труды Государственного Эрмитажа LIX. СПб., 2012. С.95 – 112.</p> <p>5) Синицын А.Ю. Некоторые иллюстрации традиционных японских представлений о коитальных функциях животных-оборотней. // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории. Маклаевский сборник. Выпуск 3. СПб, 2010. СС. 277-292.</p> <p>6) Синицын А.Ю. Три маски традиционного японского театра Кагура (представленные в экспозиции зала «Япония») и их связь с архаичными фаллическими культурами. // Радловский сборник. СПб, 2008. С. 75-80.</p>
--	--

Синицын А.Ю.